

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ* (перевод с английского Алексея Лисогора)

Синхроничность

Работа по
психической
синхроничности
как вызов науке

«Разделавшись» с Иовом и дав ответ христианским теологам, К. Юнг принимается за ученых. Его работа по психической синхроничности своим прямым вызовом общепринятым понятиям времени, пространства и каузальности наделала много шума в научных кругах. Неоднократно заявляя, что его аналитическая психология помимо коллег-психиатров рано или поздно будет принята еще и всей современной физикой, он нисколько не ошибался: именно выдающийся ученый-физик, сам в деле всей своей жизни руководствующийся увиденным однажды во сне видением, первым из всех зажегся его идеей о синхроничности.

Дружба
с А. Эйнштейном
и В. Паулем

«Профессор Эйнштейн несколько раз был моим дорогим гостем в доме. <...> В то время он только-только приступил к разработке своей теории относительности, суть которой ему все же удалось более-менее удачно растолковать нам, врачам-психиатрам, ни черта не смысливших в математике, поэтому с превеликим трудом следивших за его объяснениями. Но все-таки я понял

* Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. № 2. С. 233–247; № 3. С. 239–247; № 4. С. 219–237; 2008. № 1. С. 232–242; № 2. С. 210–233; № 3. С. 211–240. № 4. С. 198–223.

достаточно – и этот человек простотой и непосредственностью своей гениальности как мыслителя произвел на меня глубокое впечатление, а незабываемые встречи с ним повлияли на всю мою дальнейшую интеллектуальную работу. Именно он первый заставил меня задуматься об относительности понятий времени и пространства, что более чем тридцать лет спустя вылилось в мою дружбу с профессором физики В. Паули и нашу с ним научную работу по психической синхронности» [1].

«Синхронность: принцип аккаузальной связи»

Добрых двадцать лет выжидал К. Юнг, прежде чем решил опубликовать свои наработанные материалы в соавторстве со своим другом, нобелевским лауреатом по физике Вольфгангом Паули. В увидевшей свет книге «*The Interpretation of Nature and the Psyche*» перу В. Паули принадлежало эссе «Влияние архетипных идей на научные теории Кеплера», К. Юнгу – «Синхронность: принцип аккаузальной связи».

До этого на протяжении многих лет обменивался он с В. Паули и другими учеными идеями о все возрастающих взаимоотношениях между современной физикой и психологией. Обе эти дисциплины, по его словам, «открывают – одна изнутри, другая снаружи – новую, доселе неизвестную область. Чем не прекрасный повод для психологии завязать диалог с высшей математикой!» «Современная физика больше не отрицает возможность наличия в нашем мире нескольких измерений» [2].

«Любое познание происходит из абсолютной пустоты сознания»

«Дорогой профессор Паули!

Благодарю Вас от всего сердца, что не сочли за труд прислать мне статью Джордана. Пусть немедленно публикует ее, раз фактически констатирует о пересмотре физиками своих методик наблюдения на психологическом поле. Рано или поздно, но такая статья должна была появиться: придя однажды к выводу, что наблюдаемые события заодно являются результатом вмешательства в них самого наблюдателя, кропотливый исследователь не мог не заметить, что природа наблюдаемого процесса сразу становится различной в случае какого-либо нарушения непосредственно самим наблюдением. Проще говоря, если довольно-таки долго смотреть в черное отверстие, спустя время начнешь различать его внутренности. В этом же состоит принцип познания в йоге, гласящий: любое познание происходит из абсолютной пустоты сознания» [3].

Сближение физики и психологии

Из письма В. Паули:

«Дорогой профессор Юнг!

Эпистемологическая ситуация в отношении концепций «сознательное» и «подсознательное» по своей

аналогии весьма близка «комплиментарной» в физике. Любое «наблюдение подсознания», т.е. любое осознанное понимание смысла появившихся подсознательных вещей имеет неконтролируемый реактивный эффект на них. <...> Несомненно, что развитие «микрофизики» намного сблизило между собой методики современной физики и психологии описывать природу» [4].

Из письма К. Юнга к профессору Нельсону:

«Сравнение современной психологии с современной физикой вовсе не праздная пустая болтовня. Несмотря на весь свой диаметральный контраст, обе эти дисциплины схожи в главном: они приближают к нам доселе «трансцендентную» область Незримого Непостижимого, т.е. мир только аналогичного мышления» [5].

«Сотворение
во времени»

Ту форму, в которой синхроничность демонстрирует нам во всей красе этот невидимый мир в действии, К. Юнг назвал «сотворением во времени».

«Синхроничность констатирует, что то или иное психическое событие происходит параллельно какому-то не-психическому, причем без всякой причинной связи между собой. Параллелизм этот – смысловой» [6].

В качестве характерного примера такого многозначительного совпадения во времени К. Юнг любил рассказывать историю о жуке, внешне схожего со скарабеем, этим древнеегипетским символом возрождения, который внезапно пролетел перед ним именно в тот момент, когда пришедшая на прием пациентка как раз рассказывала ему свое видение о золотом скарабее. Другим примером может служить вещей сон, предсказывающий грядущую гибель, и часы, остановившиеся в момент смерти, или вдребезги разлетевшееся зеркало.

Подобие явления не имеют ни логического объяснения, ни физического обоснования. Время и пространство становятся относительными величинами. Душа соединилась с материей, внутренняя жизнь совпала с внешней: не в причине и следствии, а «совпали во времени – в своей одновременности».

Смысл синхронного
события

Смысл синхронного события – в его выразительной многозначности для человека, его переживающего: тут сигнал и о значительных жизненных силах, оперирующих где-то в глубокой «тени», и об «органайзере» этого явления, и об его трансцендентной причине. Все это в Средневековье обозначалось термином «соответствие». Даже китайская наука, включающая в себя «четкие архетипы» *I Ching*, базируется на этом же принципе.

К. Юнг называл синхроничность «акаузальной предопределенностью», что не только не противоречи-

ло принятым в науке определениям времени, пространства и каузальным методам всего западного мышления, сколько дополняло их. Если экспериментальные научно-исследовательские работы опираются на регулярно повторяющиеся события, поддающиеся статистической оценке, то наличие синхроничности свидетельствует об исключении таких моментов их общего правила: их чрезвычайно трудно объективно проверить и оценить, зато субъективно они очень многозначительны. Тем не менее «эти исключения – реальные факты, что не могут трактоваться как несуществующие». Они просто являются «особым классом естественных событий».

Статистика
и синхроничность

«Статистическая методика научных наблюдений и синхроничность – взаимоисключающие друг друга величины. Это означает, что при полностью статистических наблюдениях мы исключаем любое проявление феномена синхроничности, а <...> когда мы устанавливаем факт синхроничности, то в таком случае должны немедленно отказаться от статистического метода» [7].

Каузализм в основе
картины мира

«Каузализм, что лежит в основе научной картины мира, расчленяет все ее составляющие на индивидуальные процессы, педантично стремясь при этом тщательно изолировать их от всех других параллельных процессов. Что действительно крайне необходимо, если мы намереваемся собрать достоверные знания о мире; с философской же точки зрения такое расчленение наносит определенный вред, делая неясной, универсальной взаимосвязь событий, из-за чего их признание, а иначе говоря, единства мира, становится все более и более затруднительным. Однако все происходящее случается в одном и том же “одном мире” и является частью его, вследствие этого все события должны иметь приоритетный аспект единства» [8].

Современная физика уже следует в этом направлении. Традиционная научная концепция естественного закона, подкрепляемая каузальностью, ныне не считается непреложной догмой, особенно в самом большом (космических масштабов) и самом маленьком (внутриатомном) научных полях, где сегодня принято мыслить в четырех измерениях.

Относительность
реальности

«Открытия современной физики основательно подорвали казавшуюся незыблемой абсолютную легитимность естественного закона, сделав его относительным. <...> Но если причина и следствие окажутся

Синхроничность
и архетипы

законны только статистически, а правдивы лишь относительно, то следует искать другие факторы для истолкования естественных процессов» [9].

«Несомненно: определенные феномены синхроничности тесно связаны с архетипами». Синхроничные события почти всегда случаются во время – или из-за – сильнейшей эмоции. У человека словно понижается порог сознания, тем самым без помех позволяя подсознанию проявиться в его сознательной жизни.

Как правило, человек испытывает чрезвычайно сильное душевное волнение во время множества архетипных ситуаций: перед лицом смерти, гибели, физических страданий, умственных расстройств, ссоры с любимым человеком и пр., которые демонстрируют врожденные «универсальные по своим характерным особенностям схемы поведения, что у разных людей порождают одинаковые чувства». Подобным образом очень близкие архетипные взаимоотношения, как, например, между ребенком и матерью, между любящими сердцами, часто устанавливают между собой синхроничный телепатический контакт.

Архетипы, по словам К. Юнга, это «отпечатки, предполагающие наличие отпечаткоделателя»; «это только имя Тао, но не сам Тао». И «точно так же, как физик рассматривает атом в качестве модели, так и я считаю архетипные понятия своеобразными эскизными набросками для последующей визуализации неизвестных пока нам вещей».

Бесконечность
и безвременность
души

«Рано или поздно <...> в душе обязательно появится такой фактор, что не только не будет подчиняться законам времени и пространства, но еще и сдерживать их до определенной степени; другими словами, он весьма четко проявит характерные черты бесконечности и безвременности, т.е. «вездесущности» и «вечности». Архетип – вот как называю я этот фактор, давно уже, кстати, известный психологии. Архетип – это структурный элемент души, который во все времена мы всюду ищем; это тот индивидуальный «кирпичик» наших душ, что идентичен у всех людей и функционирующий так, словно принадлежит одной цельной и неделимой Душе, которую наши праотцы называли *anima mundi* или *psyche tou kosmou* (космическая, всеобъединяющая душа). И это не какие-то там метафизические предположения, а вполне очевидный факт, поэтому архетип – это волшебный ключик ко всем бесчисленным подсознательным фантазиям, сокрытых во всех мировых мифологиях. <...> С психологической точки зрения может

статься, что такая идентичность – всего лишь случайное, а вовсе не закономерное сходство <...> но тут в свои права вступает парапсихология со своими пси-явлениями, которая безошибочно указывает нам именно на неслучайность идентичности двух по отдельности случившихся событий. Пример – совпадение какого-либо происшествия с фактом его заблаговременного предсказания, на основе которого и множества других отлично видно, что вышеупомянутый фактор одинаково действует как в самой душе, так и вне ее. <...> В своем обычном состоянии наши заурядные умишки, заключенные по собственным индивидуальным душам, рутинно функционируют в привычных мирах времени и пространства. Но стоит лишь только им переключиться в состояние архетипа, как картина разительно меняется: мы сразу же начинаем принадлежать одной коллективной Душе, всеохватывающей мир, которой характеризуется либо относительными категориями «время» и «пространство», либо вообще полным их отсутствием.

Пассивность
пребывания
в архетипном мире

В общем, весь этот разговор сводится к одному-единственному вопросу: насколько далеко без риска для себя мы можем безопасно углубляться в эту удивительную область? Не знаю. Ведь сами мы пока не в состоянии по своему желанию переходить в параллельный мир четырех измерений – он сам, когда захочет, приоткрывается нам в редкие моменты. Все, на что хватает наших интеллектуальных способностей, – это приобрести кое-какой архетипный опыт, тем не менее наше пребывание в архетипном мире все равно остается пассивным: мы не «моторчики» там – мол, куда хотим, туда и едем, – нет, а «прицепы»: куда повезут, туда и поедем. Поэтому проведение классического эксперимента становится невозможным. <...> Между архетипом и проявлением синхронности нет никакой закономерности. <...>

Согласен с Вами: да, действительно, синхронность, относительно редкое на практике явление, является всеохватывающим фактором мироустройства во вселенной, т.е. в *Unus Mundu*, где нет никакой несоизмеримости между так называемой материей и так называемой душой, где человек познает такие свои глубины, бездну которых даже и не в силах оценить.

Число как ключ
к тайне души

В этой связи отдаю должное загадке самого обыкновенного числа, с которой я всегда сталкивался в своей работе. Интуиция говорит мне, что именно Число, наполовину случайно открытое, наполовину специально изобретенное, является ключом к этой тайне. Оно

обладает величиной и значением, последнее выражается арифметическими свойствами фундаментального архетипа нашей собственной личности. <...> сюда же отношу исторически и эмпирически документально подтвержденные варианты числа «Четыре». <...>

К сожалению, я слишком стар для таких головоломок, но меня греет мысль, что молодые обязательно примут этот вызов, который с лихвой окупит затраченное на него время» [10].

Получив на руки диплом, новоиспеченный психоаналитик Уильям Алекс перед дорогой домой заехал в Цюрихский дом К. Юнга попрощаться со своим учителем:

«К моему вящему удивлению, он вызвался проводить меня <...> вплоть до припаркованной в двух кварталах машины. Мы шли бок о бок, он молча попыхивал трубкой, по-видимому полностью уйдя в свои мысли; молчал и я. Внезапно он повернулся ко мне и резко спросил: «Почему они не понимают меня?» Никогда прежде не доводилось мне слышать такого надрывного его голоса, полного боли, обиды и горечи. Но сразу понял, почему он сделал ударение на слове «они». «Они» – это со всех сторон окружающие его миры традиционной науки, академических психологии с психиатрией, организованных религий, которые со стойким предубеждением относились ко всем его открытиям и инсайтам во внутренний мир человеческой души, не понимая и не принимая их. В интонации его вопроса ясно сквозило одиночество исследователя, дерзнувшего выйти за рамки общепринятых положений... но он не мог пойти другим путем.

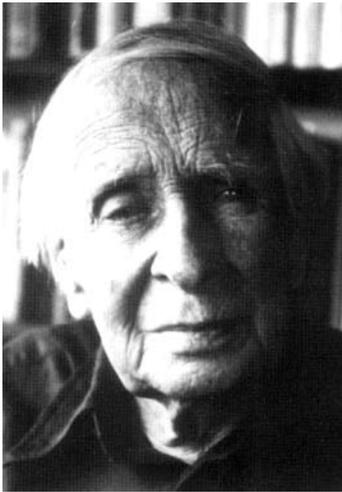
– Доктор Юнг, да Вы и сами прекрасно знаете, почему они не понимают Вас. Просто Вы на пятьдесят, а то и вовсе и на сто лет опередили свое время. Разве не так? – ответил я ему. Взглянув на меня своими пронзительными глазами, он медленно кивнул, одновременно протянув руку для прощального пожатия» [11].

Письма

Несмотря на многочисленные, чуть ли не ежедневные встречи со многими знатными и незнатными, известными и неизвестными людьми, приезжавшими к нему со всего света, все же большую часть своих контактов с внешним миром К. Юнг поддерживал при помощи писем, справедливо считая их отличнейшим средством распространения своих идей. Знакомство с его письмами во многом облегчает нам понимание всех его работ, по поводу которых он много дискутировал, к примеру, с

«Почему они не понимают меня?»

Связь с миром через письма

Сэр Лоренс Ван дер Пост, писатель, ученый-исследователь. О том, как знакомство с К. Юнгом перевернуло всю его жизнь, как он непрерывно учился у своего учителя, навеки став явным сторонником всех его идей, Ван дер Пост отразил в своей знаменитой книге

«Ваши книги – хлеб»

парапсихологом Дж. Б. Райном, с японским философом и биологом-индусом, ирландским пастором из затерянного в глуши Доне-гола и другими теологами самых разных конфессий, и даже с одним учителем с Западного побережья Австралии.

Писатели Герберт Уэллс, Джеймс Джойс, Герман Гессе, Эрик Нойман, Мигуэль Серрано, сэр Лоренс Ван дер Пост, сэр Герберт Рид, Эптон Синклер, Дж. Б. Пристли и Каунт Кейсерлинг тоже входили в круг его обширной переписки.

Но все же основная масса его писем была адресована самым обыкновенным простым людям, как правило, совершенно не знакомым ему, среди которых значился некий американец: «Мне 58 лет, толстенький коротышка, работаю грузчиком», – как он сам представился в письме к К. Юнгу, попросив его поделиться своим мнением по вопросу реинкарнации. Подобные письма К. Юнг никогда не оставлял без ответа: раз «...право использования психотерапии врачи зарезервировали исключительно за собой», в таком случае «...

мои письменные «объяснения» разойдутся среди гораздо больших масс людей, чем я могу себе представить».

«В память прочно врезалось письмо от одной женщины, просившей разрешить ей хоть краешком глаза посмотреть на меня. Не знаю даже, почему, но эта пустячная просьба чем-то подкупила меня, и я немедленно послал ей приглашение. Она тут же приехала: явная бедность ее одежды все же выигрывала на фоне, как выяснилось из беседы, ничем не прикрытого очевидного скудоумия, по-моему едва тянувшего на уровень начальной школы. Она оказалась домохозяйкой, жила вместе с братом, державшего газетную лавчонку. Когда же она поведала мне, что прочитала до единой все мои книги, я весьма учтиво спросил ее, действительно ли она поняла их, и был поражен ее экстраординарным ответом: «Ваши книги, герр профессор, вовсе не книги, а хлеб».

Еще помню одного коммивояжера, торговавшего женскими побрякушками, который остановил меня прямо посреди улицы и, глядя на меня округлившимися глазами, спросил: «Послушайте, вы действительно тот человек, написавший все те книги? Неужто в самом деле вы тот, кто описал эти неизвестные никому вещи?» [12].

Под лавиной писем

Временами лавина приходящих писем в прямом смысле слова погребала под собой К. Юнга, приводя его в легкое раздражение – он начинал ворчливо жаловаться своим домашним, дескать все, хватит, сколько можно, надоели, достали уже его эти письма! Складывая их в большие стопки, перевязывал каждую туго бечевкой и прятал в кладовку – мол, не приходили ко мне эти письма! Однако он нуждался в них: уравновешивая его интровертность, они освежали у него с годами потерявшее былую силу творческое мышление. В отличие от жены Эммы, все еще читавшей лекции в Институте его имени, сам К. Юнг накануне своего 80-летия прекратил всякую преподавательскую деятельность, тем не менее дважды в год он приглашал к себе в Кушнат «на дружеские посиделки» многих своих коллег, среди которых был Питер Линн:

Прикосновение к тайне

«Стоя обычно у камина со своей излюбленной трубкой во рту, он начинал расспрашивать нас буквально обо всем, незаметным образом вовлекая нас в оживленный диалог. Те необыкновенные вечера запомнились мне прежде всего образной фигурой Юнга – этакий исполин, чьи корни ног оплетали самый центр Земли, а голова подпирала небо. Во-вторых, он был непревзойденным мастером вплетать в одну фразу грубую крестьянскую шутку (от которой, надрываясь от смеха, мы за животики держались) и мрачный языческий миф, непосредственно относящийся к обсуждаемой теме. Когда же вечером мы все расходились из его гостеприимного дома, то от мысли, что сегодня я вновь прикоснулся к величайшей тайне, чуточку приоткрытой нам этим великим человеком в самом что ни на есть человеческом контексте, мое сердце всегда было переполнено необычайным благоговением» [13].

Не смущаться говорить о Боге

Учившийся в этом Институте католический клирик Джеймс Эйлуорд однажды был принят К. Юнгом прямо в саду:

«Тогда он сказал мне, что беседу о Боге считает самой подходящей темой для разговора между двумя представителями человечества. Но посетовал, что большинство людей думают иначе: они, включая многих теологов, смущаются любого мало-мальского разговора о Господе. Гораздо вежливее принято поговорить друг с другом про секс» [14].

Размышляя о связи с вечностью

Впоследствии К. Юнг писал:
«“Связан или нет я с вечностью?” – вот как звучит для человека решающий вопрос, определяющий всю его жизнь. Когда в свое время до каждого из нас дойдет,

что да, лишь одна бесконечность имеет настоящее значение, то вот только в этом единственном случае сможем мы избежать фиксации своих интересов на любых второстепенных целях, преследующих суетную тщетность. <...> Если мы наконец осознаем и почувствуем, что уже здесь, уже в этой жизни мы прочно связаны с вечностью, то наши внутренние устои, мечты и желания вмиг изменятся. И тогда в окончательный анализ мы примем лишь только ту сущность, какую сами олицетворяем и несем в себе, но ежели внутри нас пусто, значит прожитая впустую жизнь прошла мимо нас. “Выражен ли элемент безграничности в моих взаимоотношениях с другими людьми?” – это уже следующий вопрос, которым должен задаваться человек после первого.

Однако воспринять бесконечность можно лишь только тогда, когда мы готовы к ней. <...> Именно осознание своего заточения в тесном «карцере» собственной личности формирует у нас прочную связь с беспредельностью подсознания. И мы на личном опыте познаем самих себя как “конечных” и “вечных”, как «своих» и как “иных» [15].

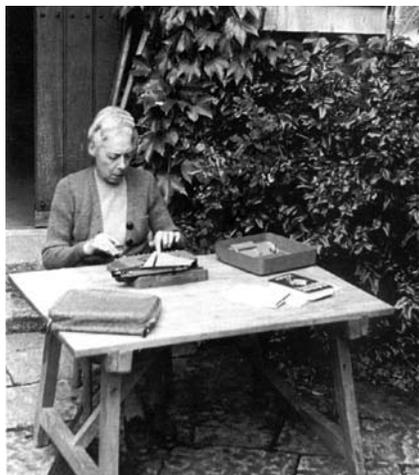
Тони

Неожиданная
смерть Тони

В марте 1953 года – в это время К. Юнг все еще работал над своим последним фундаментальным научным трудом – Тони Вольф скоропостижно умирает во сне. Ей было всего 65 лет.

«Еще не зная ничего о ее смерти, в то утро я почувствовал себя очень плохо – подвело сердце, вновь напомнившее о себе сильнейшей тахикардией. Слава Богу, ныне приступ миновал, наградив меня, правда, аритмией, здорово ограничивающей сейчас мои физические возможности <...> Мы все поражены были таким внезапным уходом Тони, и до сих пор не верится, что ее больше нет с нами. Я же видел ее буквально за два дня до смерти, и ничто тогда не указывало на ее близкую кончину» [16].

В последние годы жизни Тони К. Юнг виделся с ней уже гораздо реже, чем раньше. Огни рампы ее общественной жизни потухли еще в 1948 году, когда после блестящего 20-летнего

Тони Вольф в саду Боллингена. К. Юнгу не удалось опубликовать научные труды Тони Вольф сразу же после ее смерти в 1953 году. Первая ее книга вышла только пять лет спустя, в 1958 году.

правления она покинула пост президента Психологического клуба, а сырой климат Боллингена, только обостривший и без того сильно мучавший ее артрит, не позволял им уже встречаться там. Да и сам К. Юнг к этому времени уже не так много уделял ей своего внимания. Но, несмотря ни на что, она до самого последнего дня занималась своей психоаналитической работой.

«...из всех близких к Юнгу она страдала больше всех»

«...из всех близких к Юнгу она страдала больше всех», – эти слова сказаны именно о Тони Вольф. Как-то раз она призналась своей подруге и коллеге Барбаре Хане, что ни в коем случае не хочет пережить К. Юнга. «Никогда не воспринимал всерьез мысль, что она может умереть раньше меня», – в свою очередь говорил тот, имея в виду 13-летнюю разницу в возрасте. Сваливший К. Юнга с ног сердечный приступ не позволил ему быть на похоронах Тони – Эмма одна провожала ее в последний путь.

Переживая
невосполнимую
потерю

В письме к другу он писал: *«С уходом фройлен Вольф я понес невосполнимую потерю. Ее смерть стала тяжелейшим ударом для меня»* [17].

А вот как Барбара Хана описывает реакцию К. Юнга на смерть Тони Вольф: *«Внешне он был непроницаемо спокоен, так что даже его жена с секретарем уверились, как они обе впоследствии сами сказали мне, будто он благополучно пережил этот шок за пару дней. Я же сужу по своим записям – концом апреля 1953 года у меня помечены оброненные им слова, что до сих пор у него пошаливает сердечко, а пульс скачет, словно бешеный, от 80 до 120. Все же он испытал облегчение, увидев Тони во сне <...> в Пасхальную ночь – изумительно красивой, стройной и молодой. На ней было пестрое платье, краше оперения райских птичек, в палитре цвета которого преобладал небесно-синий оттенок зимородного крыла. Во сне ничего не происходило, он видел всего лишь один ее неподвижный образ, но был очень потрясен фактом, что это видение посетило его непосредственно в ночь Воскресения»* [18].

Попытки
публикации
научных трудов
Тони Вольф

В 1958 году К. Юнг вновь инициирует попытки опубликовать научные труды Тони Вольф:

«Дорогой д-р Броди! <...>

Считаю своим долгом порекомендовать Вашему вниманию вот эти рукописи работ Тони Вольф. <...> Они ценны не только своим глубоко интеллектуальным содержанием. Начиная с судьбоносного 1912 года она вплоть до своего последнего дня шла в ногу с развитием аналитической психологии и, лично проверяя все

на своем собственном опыте, непосредственно из первых рук получала материал для своих работ. Ценность этих бумаг заключена еще и в их документальности: всем, кто не был лично знаком с Тони, она откроется с этих страниц многогранной личностью с поражающей воображение духовной глубиной» [19].

К вышедшей в свет книге Тони «Studies in Jungian Psychology» К. Юнг собственноручно написал предисловие, среди прочего отметив нем, что «...запоздало выражаю тысячи благодарностей автору этой книги, более чем на сорок лет ставшей мне другом и сотоварищем по работе» и «...принимавшей самое активное участие во всех фазах развития аналитической психологии», включавших в себя «...выработку практических методик психоанализа <...> разработку теоретических формулировок» и «эксперименты по групповой психологии <...> на которых строилась вся жизнь Психологического круга в Цюрихе». И особо акцентировал «ее весьма высокий от природы интеллект и совершенно исключительные по своей психологической мощи интуицию с пронизательностью», благодаря которым «...эти удивительные эссе о многом заставляют нас задуматься».

Сохраняя тайну частной жизни

Он сохранил тайну их частной жизни с Тони, уничтожив все до одного ее письма к нему и свои к ней. Шесть лет спустя в беседе с Мигуэлем Серано, увековечившего Царицу Шебы, он скажет, что «волшебная природа любви не предназначена для брака», и упомянет про мистические свадьбы, являющиеся «на самом деле процессом обоюдной индивидуации».

Любовь – средоточие всего и вся

«Он тихо продолжил, словно говоря самому себе:

– В тридевятом царстве, в тридесATOM государстве при царе Горохе прямо посреди синего моря лежал Остров, где рос чудесный Цветок. А еще там были Камень, Кристалл, Король с Королевой, Дворец, Влюбленный принц и его Возлюбленная. <...> Мистический Цветок Души, вот что такое Любовь. Средоточие всего и вся. Наша Self. <...>

Он будто бы перешел в транс, настолько глухо звучал его голос.

– Никто не понимает моих слов, – сказал он с явной горечью. – Поэт – вот кто единственный смог бы понять меня. <...>

– Ты и есть поэт, – ответил я ему, до глубины души взволнованный услышанным. – А та женщина, она что, еще жива? – спросил чуть погодя.

– Умерла восемь лет назад. <...> Какой же я старый!..» [20].

Восьмидесятилетие

Терзаясь
сомнениями о себе

Чем ближе приближался 80-летний юбилей К. Юнга, тем все чаще накатывало на него мрачно-депрессивное настроение. Не помогало ничто: ни его многоопытность, ни эрудиция, ни умудренность прожитой жизнью – в порывах самоедства он вновь и вновь начинал терзаться старыми сомнениями о себе, о своей состоятельности как личности, «ужасающие неадекватностью всего того, что удалось мне сделать». Вот какова была одна из крайних точек спектра его бытия, где он весьма самокритично анализировал неизбежное течение жизни с присутствующими ей черными и белыми полосами.

Груз лет

«Вот смотрю я на себя, сидящего в тишине Боллингена с грузом почти восьми десятков прожитых лет за плечами, прислушиваюсь к себе – и должен признать, что до сих пор так и не нашел ясного и четкого ответа на себя. Опять, как частенько бывало раньше, грызут меня сомненья, причем чем больше сомневаюсь в себе, тем больше я пытаюсь сказать что-то определенное про себя, но, увы! Близкое знакомство с самим собой только еще дальше отталкивает человека от себя самого же» [21].

Необходимость
сознательных
страданий

В письме к епископу Виктору Уайту он пишет о необходимости сознательных страданий: *«Именно сознательное приложение тех усилий является абсолютно безопасным.*

Восьмидесятилетний К. Юнг в саду. Даже в старости К. Юнг выделял ощутимую силу и власть, прочувствованную теми, кто с ним работал.

и неуверенность – обязательные компоненты полноценной жизни, обрести которую реально могут только те люди, кто сперва потерял эту жизнь. Но «полноценная» жизнь – это не какая-то там теоретическая полнота; полноценно человек живет лишь тогда, когда безоговорочно принимает для себя те неизбежные тенета, в которых в один прекрасный день находит себя крепко запутавшимся, попутно пытаюсь уразуметь их смысл, а иначе говоря – когда стремится сотворить упорядоченную систему из той хаотической мешанины, в которой был рожден. При такой жизни он то и дело будет попадать в настолько трудные ситуации, что из его груди произвольно будет вырываться стон: “Все, не

могу больше! Это выше моих сил!” Но затем он должен спросить себя: “А действительно ли я не в силах вынести этого?”» [22].

Страдания должны быть преодолены

«Человеку во все времена было свойственно стремление всячески избегать присущих его жизни страданий. С этой целью на Востоке люди прибегали к медитации, на Западе – к наркотикам. Но человек не может убежать от самого себя, страдания должны быть преодолены, и единственный путь превозмочь их – это полностью перетерпеть их» [23].

Хрупкость и могущество

Аниела Джеффи охарактеризовала 80-летнего К. Юнга: «К 1955 году его долговязая фигура немного ссутулилась, отчего стала казаться хрупкой – вот-вот преломится! – соломинкой. Однако большинство людей вовсе не замечали этой его старческой немощи, полностью тускневшей на фоне так и прущих из него грандиозной силы и могущества. Его аура окутывала буквально каждого встречного человека, причем без всякого на то авторитаризма – Юнг был слишком добродушным для этого, весьма любезным и дружелюбным, несмотря на возраст, и почти мгновенно заражавший собеседника своим великодушным чувством юмора. В нем не было ни высокомерного зазнайства одаренного интеллектуала, ни снобистского пренебрежения высококолобого эрудита. <...> Зато впечатляло превосходство человека, всю жизнь проведенного в борьбе не на жизнь, а на смерть с творческим демоном и в конце концов одолевшим его. И еще шрамы, полученные им в этой смертельной битве. Такое могущество – глубоко человечно: оно не пробуждает в вас чувство страха, не подминает под себя, не смущает и ничем не подавляет, вызывая лишь благоговение и трепет» [24].

Юбилейный год

Юбилейный, 1955, год был отмечен для К. Юнга присвоением ему Швейцарским технологическим институтом почетной степени доктора наук и двумя публикациями: из печати вышли первый том «Mysterium Coniunctionis», написанный в соавторстве с Мари Луиз фон Франц, и психологический комментарий на «The Tibetatian Book of the Great Liberation». Не обошлось и без ложки дегтя: вновь поднялась против него волна обвинений в антисемитизме, на этот раз публично опровергнутых группой его учеников-евреев.

Свое 80-летие он тихо справил дома в кругу семьи, после чего дал несколько приемов в Цюрихе, явившихся слабыми отголосками тех пышных торжеств, что по случаю его юбилея были проведены в Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Калькутте. Ставший ему родным Институт им. К.Г. Юнга тоже устроил в его честь

неформальную вечеринку, и хотя большинство приглашенных на нее гостей оказались вовсе не знакомы К. Юнгу, он был очень счастлив.

В кругу своих людей

«Там были как раз те люди, которым впоследствии суждено подхватить знамя моей психологии – обыкновенные простые люди, но они проглотили мои книги и с молчаливого согласия позволили мне изменить у них жизнь, чего не скажешь о верхушке общества, которая в большинстве своем отказалась от юнгиановской психологии, предпочтя ей более престижную» [25].

В центре общественного внимания

Через некоторое время изумленный К. Юнг обнаруживает, что его жизнь вдруг превратилась в весьма близкое подобие популярного аттракциона «Бернские медведи»: засновали катера да лодки на прежде тихих водах, загудели автомобильные клаксоны под окнами, задергался, не умолкая ни на минуту, колокольчик на входной двери.

Писатели, газетные репортеры, теле- и радиожурналисты – все стремились взять у него интервью: Альберто Моравиа, Мирци Элиад, Стивен Блэк и Джон Фримен для ВВС, Шарль Бодуи из Франции и многие другие представители английских, французских, швейцарских и американских СМИ, включая журналистов из Time.

В одном из таких интервью К. Юнг сослался на свое интеллектуальное родство с гетевским Фаустом, с Уильямом Джеймсом, встречи с которым оставили у него незабываемое впечатление, и даже с жившим в XVIII столетии хасидским раввином Бером. А когда в беседе со Стивеном Блэком тот сравнил его с типичным швейцарским крестьянином, ответил с улыбкой: «Именно так меня и называют чаще всего».

Конец затворничества

И как написал он в письме к Мэри Бенкрофт в Америке: *«Вот и настал конец моему здешнему затворничеству, что в общем-то не так уж плохо. Мое имя, не нарадуясь своему существованию якобы независимо от меня, ну просто на седьмом небе от счастья, что вырвалось на просторы мира, в то время как моя настоящая личность все так же живет себе поживает потихоньку в Боллингене, пытаюсь за рубкой дров для очага и поварскими делами забыть весь этот кошмар праздников в честь моего восьмидесятилетия» [26].*

Человек должен быть связан с самим собой и с Богом

Что, однако, вовсе не помешало ему провести в Цюрихе ряд блестящих светских бесед. Вспоминает писательница и поэтесса Шейла Мун, сама бывшая дипломированным специалистом по психотерапии: *«Всякий раз, находясь в его обществе, я ежесекундно воспринимала исходящее от него упорство человека, непрестанно творящего свою религиозную задачу. А еще*

искреннее беспокойство о том, что ради сохранения себя и мира от уничтожения каждый человек должен быть связан с самим собой и с Богом не только внутренне, в душе, но и непосредственно в мире. «Мы ужас как боимся сидящих внутри нас змиев-искусителей, – говорил он, – равно как страшимся своей *puminosum*, отчего и бежим сломя голову прочь от нее. <...> Мы сами такие, какие есть, – вот единственное, что требуется от нас предоставить миру и Господу. Но задача эта наитруднейшая из всех. Большинство из нас хочет, чтоб другой дядечка сделал это, а их прихватил бы попутно с собой за компанию». <...> “Что толку от нас, если мы не проживем все эти вещи, которые исповедуем?” – неоднократно подчеркивал он свою веру.

Последний раз я виделась с ним в Асконе в 1955 году. На прощание сфотографировала их с Эммой, как они безмятежно грелись в мягких струящихся лучах солнечного света, сидя за столиком прямо на берегу озера у своего отеля. Такими они и запомнились мне: прекрасная пара истинных швейцарцев, дружелюбные и открытые, они сидели бок о бок и улыбались вслед увозящему нас автомобилю» [27].

Эмма

«Самая интригующая личность во всем Цюрихе»

В 1955 году Элизабет Хоувз несколько месяцев ходила к Эмме Юнг на сеансы психоанализа.

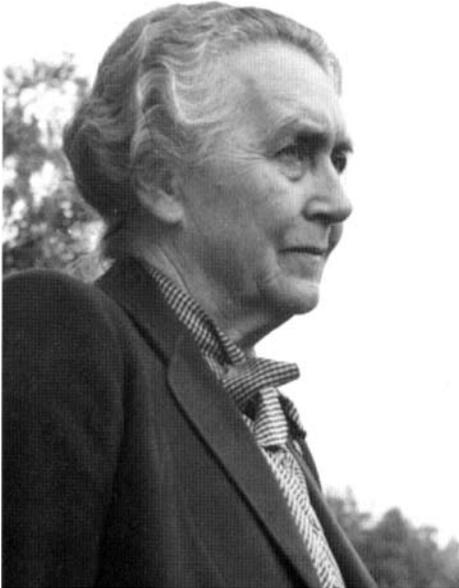
«По мне, так она была самой интегрированной личностью во всем Цюрихе. <...>

Просто вас не могла не волновать эта удивительная женщина, сумевшая найти себя и свою аутентичность среди такого хаоса нашего мира. Будучи женой самого Карла Юнга, что, согласитесь, уже по одному своему определению было нелегкой задачей, ей удалось сохранить на

его фоне свою индивидуальность, а вернее сказать – достичь ее, параллельно сделав блестящую научную карьеру, венцом которой стала превосходная книга “Легенда о Святом Граале”. Мудрый и чуткий психоаналитик, она очень легко и, главное, весьма понятно объясняла вам нужный выход из тупика, в который загнала вас жизнь, попутно раскрывая глаза на многие очевидные

Юнг и Эмма за чаепитием в саду, Кушнат, 1955.

Эмма Юнг, 1955. Жена, учитель, психоаналитик, писатель, мать пятерых детей, бабушка, Эмма сохраняла достоинство и самообладание и в последние годы жизни.

Тягость болезни
супруги

вещи. Работать с ней было одно удовольствие. <...>

Спокойная, мягкая в общении и необычайно пронизательная, миссис Юнг всегда очень активно делала свое дело, индивидуально помогая каждому обратившемуся к ней человеку узнать, понять и осознать, что он работает непосредственно внутри религиозного процесса, где по сравнению с эго гораздо большие силы проявляет подосознание. Но я на всю жизнь запомнила, как она же особо подчеркивала роль эго в развитии сознания: «Есть миллионы разных эго. Проблема в том, чтобы найти среди них одно правильное». И, как я видела, она нашла-таки свое собственное правильное эго, верно соотнося его с глубинными архетипными силами, ответственными за целостность и полноценность личности» [28].

6 мая 1955 года К. Юнг пишет письмо Виктору Уайту: «Дорогой Виктор! Серьезная болезнь супруги съедает все мое свободное от работы время. Сейчас ей требуется самый тщательный уход – она до сих пор крайне слаба, несмотря на успешно проведенную операцию. Боюсь, что восстановительный период затянется не на один месяц» [29].

В ноябре этого же года К. Юнг принимает в рабочем кабинете у себя дома в Кушнате Рикса Уивера, писателя и преподавателя из Австралии.

«Тут его позвали, и он, извинившись, вышел <...> оставив меня на пару минут одного. Когда же он возвратился, на нем не было лица. Сказал, извинившись еще раз, что звонил доктор сообщить ему о неизлечимости жены. Я собрался было уйти, разумно полагая неловким продолжать беседу в такую минуту, но он жестом усадил меня обратно. Сел сам и, чуть помолчав, начал говорить о жизни, что она должна быть прожита полностью. Что человек, по максимуму исчерпав весь свой потенциал, должен прожить все то, чем он является. Коснулся жизни своей супруги, рассказав об ее исключительной полноценности, после чего закончил: «Смерть – это не конец. Это одновременная проекция двух миров. А мы – мост между ними»» [30].

Удар утраты

Пять дней спустя, 27 ноября 1955 года, Эмма Юнг умерла.

«Нойманн, дорогой! От всего сердца благодарю тебя за такие проникновенные письма. <...> Покорнейше прошу простить меня за эти сухие строчки, но слишком уж велик оказался для меня этот удар. Я до сих пор в шоке от ее смерти, из-за чего не могу ни собрать вместе разбегающиеся в разные стороны мысли, ни наладить свое бывшее красноречие. Но слушай сердце свое, которое ты раскрыл мне навстречу нашей дружбе: я говорю ему, что за два дня до смерти Эммы у меня в голове молнией промелькнула вспышка озарения, отчетливо высветившая мне ярким светом ту уходящую вглубь веков тайну, что была заключена в моей дорогой жене и которая непостижимым образом влияла на всю мою жизнь. Уверен, что это потрясающее озарение пришло от нее. Да, это она, она, несмотря на кому, все же сумела послать мне этот свет, что вкупе с высвобождением инсайта способствовало ее такой легкой и поистине королевской смерти.

Быстрый безболезненный уход – всего лишь пять дней между приговором врачей и смертью – и это познанное мною ее послание принесли мне огромное облегчение: она не мучилась! Но вот образовавшаяся вокруг меня пустота, хрустальная, до звона, тишина и бесконечно далекая холодная даль причиняют мне почти непереносимую боль» [31].

«Она была королевой»

Отпевали Эмму в местной церкви, где яблоку не было места упасть от пришедших проститься с нею. Возле гроба жены К. Юнг стоял в окружении пятерых детей и девятнадцати внуков.

После похорон друга нашли его, одинокого, в кабинете. Сквозь несдерживаемые рыдания он все повторял одни и те же слова: «Она была королевой. Она была королевой!..» [32].

Встреча во сне

«Через некоторое время после смерти жены <...> я видел ее во сне, похоже, что вещем. Она стояла в нескольких метрах впереди, непрерывно глядя мне прямо в глаза, – тридцатилетняя, красивая, в самом расцвете своего женского обаяния. На ней было то самое платье, что давным-давно собственноручно сшила. А вот выражение лица нельзя было назвать ни радостным, ни печальным – оно просто светилось явной мудростью и пониманием, без малейшего намека на любую мало-мальскую эмоцию, словно ей были чужды всякие аффекты. Я понял, что она пришла ко мне не сама, что вместо себя прислала мне свой портрет, который специально для меня сама же и нарисовала или заказала самому лучшему тамошнему художни-

ку. Он отображал в себе и начало моих взаимоотношений с ней, и каждое событие нашего 53-летнего брака, и ее уход из жизни. Лицом к лицу встречаясь с такого рода целостностью, человек просто теряет дар речи, ибо не в состоянии охватить ее разумом» [33].

«Вокруг меня теперь пустота»

Навестив одну из своих дочерей, Марианну, К. Юнг вскоре по возвращении домой пишет ей письмо:

«Марианна, доченька, здравствуй!

Твое милое послание весьма порадовало меня, спасибо тебе большое за него. До слез растрогала старика признанием, что мое присутствие было тебе ничуть ни в тягость. Я тоже был очень рад погостить у тебя немножко. <...>

К. Юнг в Боллингене, 1950-е года. Испытывая стресс, Юнг обнаружил, что резьба по камню придавала ему «внутреннюю стабильность».

Кончина твоей мамы стала невозможной потерей, вокруг меня теперь пустота, которую отныне никто и никогда не заполнит. Но как же здорово, если в самые трудные минуты, когда окружающая тебя пустота давит так, что не продохнуть, у тебя есть чем заняться, есть к чему приложить руки. Работа над камнем как раз дает мне сейчас

необходимую внутреннюю стабильность и уравновешенность, а его предназначение упорядочивает все мои мысли» [34].

Увековечивание памяти

Лоренс Ван дер Пост приводит свой последний разговор с Юнгом: «В ту нашу последнюю с ним встречу он сказал мне <...> [что] увековечивает в камне <...> своего рода мемориал всему тому, что Эмма Юнг и Тони Вольф привнесли в его жизнь. Что на камне для своей жены он высекает китайской вязью изречение “На ней зиждется мой дом”, а на Тонином намеревается все теми же иероглифами написать, что она была благоухающим ароматом дома» [35].

(Продолжение следует.)

1. Jung C.C. Letters Volume 2, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. pp. 108–109, letter to Carl Seelig.

2. *C. G. Jung Speaking*, McGuire and Hull, op. cit., pp. 325–378.

3. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. pp. 174–175, letter to Wolfgang Pauli.

4. *Last years*, Jaffe, op. cit., p. 166.

5. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. p. 308, letter to Professor Nelson.

6. *C. G. Jung Speaking*, op. cit., p. 387.

7. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. p. 548, letter to Edward Whitmont.

8. *The Collected Works of C.C. Jung*. London: Routledge and Kegan Paul. 14, *Mysterium Coniunctionem*, par. 662.

9. *Synchronicity: an Acausal Connecting Principle*, (London: Routledge and Kegan Paul), p. 7.

10. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. pp. 398–400, letter to Stephan Abrams.

11. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 3.

12. *C. G. Jung Speaking*, op. cit., p. 402.

13. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 41.

14. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 7.

15. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 225.

16. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 117, letter to James Kirsch.

17. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 121, letter to Countess Elizabeth Klinckowstrom.

18. *Jung*, Hannah, op. cit., p. 313.

19. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. pp. 424–425. letter to Dr. Daniel Brody.
20. *Two Friendship*, Miguel Serrano, op. cit., Pp. 60–61.
21. *C. G. Jung Briefe*, edited by Aniela Jaffe with Gerhard Adler, (Walter Verlag AG Ohten, 1972–73), p. 386.
22. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P.171, letter to Fr. Victor White.
23. *Ewangelische Seelsorge* by Walter Uhsadel, p. 121.
24. *Last years, Jaffe*, op. cit., p. 100.
25. *Jung*, Hannah, op. cit., p. 323.
26. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 270, letter to Mary Bancroft.
27. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 120.
28. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 34.
29. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 251, letter to Fr. Victor White.
30. *Jung C.C. Emma Jung*, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 95.
31. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 284, letter to Erich Neumann.
32. *Jung*, Brome, op. cit., p. 260.
33. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 296.
34. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 316, letter to Marianne Niehus-Jung.
35. *Jung*, van der Post, op. cit., p. 177.

